

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Стремиться непрерывно к совершенству

К 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОБРЕТЕНИЯ МОЩЕЙ
СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИКА РОМАНА МЕДВЕДЯ

*Протоиерей
Роман Медведь.
Москва. 1922 г.*

В 2024 году исполняется 25 лет со дня обречения мощей священноисповедника Романа Медведя. Это достаточный срок, чтобы подвести итоги, связанные с историей его канонизации, рассказать о его подвижнической жизни и оценить духовное наследие, которое он оставил.

О ком еще, кроме протоиерея Романа, можно сказать, что он во время одного из жесточайших гонений в истории Христианской Церкви в XX столетии создал полноценную церковную общину — Братство ревнителей и проповедников Православия, в которое вошло несколько сот человек, и в течение десяти лет, вопреки всем невзгодам, поддерживал его деятельность? Он поистине был пастырем добрым.

На каждого человека отец Роман смотрел как на врученное ему Самим Богом духовное чадо. Пророческим оказался его сон, который он видел, когда ему было пять лет. Он видел себя пастырем среди овец. Одни овцы были белыми, другие — серыми, а третьи — черными. И он стал мыть их в реке. И те, что были белыми, приобретали сияющую белизну; те, которые были серыми, становились белыми; а черные овцы при попытке отмыть их кусались и с криком убегали.

Основная часть пастырского служения протоиерея Романа прошла в Москве в храме святителя Алексия, митрополита Московского, располагавшемся в Глинищевском переулке. Храм этот был закрыт сразу же после ареста отца Романа в 1931 году и разрушен в 1934 году. В 1938 году на месте, где стоял храм, по проекту архитектора А. С. Щусева был построен жилой дом, в котором разместилась музей-квартира известного режиссера и актера В. И. Немировича-Данченко и поселились многие советские актеры.

А еще недавно в этом месте, в храме святителя Алексия, шла глубокая духовная работа. Духовные дети еженедельно приходили к протоиерею Роману на откровение помыслов — практика, давно исчезнувшая во многих монастырях, но позволявшая приобрести навыки трезвенной жизни. Его прихожане осмысленно читали Священное Писание. Изучив евангельский текст, кто-то один писал реферат, который затем зачитывался всем. Обычно христианин ощущает себя таковым в пределах храма, а за его порогом, когда он выходит в мир, приступает к своей работе на предпри-

ятии или в учреждении, иногда совершенно забывает, что он ученик Христов, что перед ним единственный образ для подражания — Христос и те, которых Он называл Своими друзьями, — святые. Отец Роман учил своих духовных детей воспринимать мир целостно, что и в миру, на светской работе, они должны оставаться прежде всего христианами, а их работа — не что иное, как жизненное послушание, которое при добросовестном его исполнении становится средством нравственного совершенствования и приобретает глубокий духовно-нравственный смысл. Его община была в каком-то смысле монастырем в миру, но без отгораживающих от мира монастырских стен и монашеских обетов. Христианами, живущими в миру и живущими в монастырском братстве, по существу даются в крещении одни и те же обеты, и христиане не могут различаться принципиально как христиане первого и второго сорта. Христос не положил ни перед кем различия при исполнении заповедей и для всех предначертал узкий путь спасения, но каждому в соответствии с его талантами и дарованиями.

Священноисповедник Роман был одним из тех немногих пастырей, который многочисленную и разнообразную по характерам

*Рака с мощами
священноиспо-
ведника Романа
Медведя*

людей паству сделал христианской, дал людям ощутить близость Христа. Дал им то церковное, что человек не променяет ни на что — ни на земную славу, ни на материальные блага.

«К Братству были приписаны несколько приходских церквей в разных концах Москвы, где вели работу члены Братства. В самом храме Братства ежедневно совершалась ранняя литургия, и члены могли посещать ее еще до своей службы. Три раза в неделю по вечерам были вечерние богослужения с беседами; члены Братства старались ежемесячно приступать к святому причастию и активно участвовали в работе. <...> Я имел возможность посвящать свои силы работе в Братстве, а потому это время принесло мне громадную духовную пользу; здесь я окреп духовно и начал жить в ограде Православной Церкви», — писал о созданном протоиереем Романом Братстве автор книги «Оптина пустынь и ее время» Иван Михайлович Концевич.

«Исповедь в храме святителя Алексея проводилась главным образом частная. Многие откликнулись на призывы доброго пастыря, принесли покаяние за всю жизнь, повторили обеты крещения и встали на путь послушания Церкви. В храме все делалось бесплатно, руками предавшихся Богу людей: мыли полы,

зажигали паникадила, лампы, звонили на колокольне, продавали свечи, читали каноны, Шестопсалмие и прочее, пели, регентовали — все это делали свои члены Братства.

Давшие обет послушания приносили ежедневное исповедание своих помыслов и деяний через дневники, которые передавались батюшке раз в неделю, и получали наставления по всем вопросам. Шла глубокая духовная работа каждого человека над собственной душой»¹.

И потому святой праведный Алексей Мечёв, наблюдая за пастырской деятельностью отца Романа и побывав у него в храме, справедливо сказал: «У тебя стационар, а у меня только амбулатория»².

Служа ближним, отец Роман старался никому не приносить страданий. Добрый пастырь, он готов был сам пострадать, но только бы не оказаться виновником страданий других. «Я исключительно религиозный деятель, — писал он, находясь в тюрьме ВЧК, ее председателю Феликсу Дзержинскому. — Мой принцип — самому быть готовым идти на Голгофу, но никого на Голгофу не посылать и никому Голгофы не устраивать»³.

Благодаря плодотворной пастырской деятельности отца Романа, ее плодам, в начале

1980-х годов о нем оказалось возможным собрать обширные сведения, так как были живы многие члены его большой общины. Они рассказали о деталях жизни общины, о том, как вел свою паству отец Роман, о христианской атмосфере в общине и о том, насколько она была церковна и чужда любых других интересов, кроме жизни со Христом. Не напрасно отец Роман был духовным сыном и учеником святого праведного Иоанна Кронштадтского, который выборки из своих дневников так и называл — «Моя жизнь во Христе».

В 1990-х годах открылась часть архивов госбезопасности, и стало возможным изучить судебно-следственные дела священноисповедника. Большое значение для уяснения пастырского и исповеднического облика протоиерея Романа имели устные воспоминания его дочери, Ирины Романовны Медведь, жизнь которой Господь продлил на многие годы — для свидетельства об отце.

Сразу же после переезда семьи священника в Москву в 1921 году его четырехлетняя дочь Ирина тяжело заболела испанкой, болезнью, от которой умерли тогда в разных частях мира миллионы людей. Девять суток она не приходила в сознание, так что Анна Николаевна, супруга священника, выбилась из сил, проводя бессонные ночи у постели дочери и уже теряя надежду на ее выздоровление. И вдруг девочка, как бы очнувшись, села в кровати и произнесла:

— Мама, я не умру, ты можешь спать.

— А откуда ты знаешь? — с удивлением спросила Анна Николаевна.

— А мне сказал мой дядя Вася, — ответила девочка.

— Какой дядя Вася? У тебя никакого дяди Васи нет.

— Как же нет?! Это мальчик, в беленькой рубашечке, в черных штанишках с черным пояском. Он мне сказал: «Ты скажи маме, что ты не умрешь, ты долго будешь жить». Я его спросила: «Ты кто?» — «Я твой дядя Вася», — ответил он.

Анна Николаевна рассказала об этом мужу. Отец Роман с интересом выслушал ее и затем пояснил, что у него действительно был брат Василий, который умер в отрочестве и похоронен был в белой рубашке, в черных штанишках с черным пояском.

Весть, полученная от незнаемого ей в этой жизни дяди, исполнилась. Ирина Романовна скончалась в 2009 году, когда ей исполнилось девяносто два года.

В 1999 году, после того как все материалы, касающиеся жизни протоиерея Романа, были изучены и написано его жизнеописание, они были рассмотрены 12–13 мая Синодальной комиссией по канонизации святых. В то время в комиссии был следующий порядок работы. Подготовленный проект жития новомученика распечатывался для всех членов комиссии. Затем автор жития зачитывал его, а члены комиссии могли делать на своих экземплярах пометки, чтобы задать вопросы докладчику. Автор мог что-то упустить, посчитав несущественным, что-то не прописать подробно за недостатком сведений или неточно выразиться, допустив двусмысленность, и это кем-то из слушателей может быть замечено. Это как раз тот случай, когда критика и дискуссия имеют большое положительное значение. Если в небольшом церковном обществе, каковым является Синодальная комиссия, изучаемые материалы вызывают вопросы и недоумения, то какие же недоумения могут возникнуть в большом обществе, составляющем Поместную Церковь? Поэтому Синодальная комиссия выносила положительные решения только тогда, когда они одобрялись всеми ее членами и принимались единогласно. Если же хотя бы один член комиссии был против и аргументированно мог изложить свою позицию, то принятие решения откладывалось. И это было разумно. Если среди восьми-девяти членов комиссии хотя бы один аргументированно выступал против принятия положительного решения, то за пределами работы небольшой группы людей возражающих могут оказаться тысячи. Члены комиссии не нашли препятствий для общецерковного прославления протоиерея Романа Медведя в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской, и материалы были переданы Святейшему Патриарху и Священному Синоду. Девятнадцатого июля Патриарх и Священный Синод приняли решение о передаче вопроса об общецерковной канонизации протоиерея Романа на очередной Архиерейский Собор.

Все то время, пока шла работа по сбору сведений о священноисповеднике Романи, вопрос

Храм Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе (вверху)

Протоиерей Владимир Ригин читает Евангелие во время обретения мощей священноисповедника Романа Медведя (внизу)

о его канонизации обсуждался мной с его дочерью, Ириной Романовной. Как истинно церковный человек, Ирина Романовна рассуждала вне границ личной заинтересованности или родственных пристрастий и высказывала сомнения: а не рано ли? а принято ли в Русской Православной Церкви причислять к лику святых через столь краткий промежуток времени — шестьдесят лет — после кончины подвижника? Ей, современнице событий, пролетевшее время казалось недавним, потому что оно почти для всякого пожилого человека видится промелькнувшим мгновенно. Ее мнение как церковного человека и ближайшей родственницы исповедника для меня было важно. В конце концов Ирина Романовна сама пришла к выводу, что это время настало.

После принятия положительного решения Синодальной комиссией по канонизации о возможности причисления отца Романа к лику святых протоиерей Владимир Ригин, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе, обсудил этот вопрос с духовенством храма и церковным советом и подал прошение Патриарху Алексию II. Отец Владимир просил благословить перенести честные останки исповедника в Покровский храм на Лыщиковой горе. Храм святителя Алексия, митрополита Московского, где служил протоиерей Роман, был разрушен, и в Покровский храм на Лыщиковой горе перешли духовные дети отца Романа. Многие из них стали петь и читать здесь на клиросе и несли это благое послушание до конца своих дней. В Покровском храме некоторое время служил и духовный сын священноисповедника — протоиерей Александр Ветелев (1892–1976), во время гонений предоставивший приют сначала отцу Роману, а затем и его семье. В этом смысле нет в Москве храма, более связанного с жизнью священноисповедника Романа, чем Покровский храм на Лыщиковой горе. Двадцатого июня 1999 года Патриарх Алексий II благословил перенести честные останки протоиерея Романа Медведя из Малоярославца в Москву в храм Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе.

После решения Патриарха о перенесении честных останков протоиерея Романа в Покровский храм я сообщил об этом Ирине Романовне. Она пожелала поехать в Малоярославец накануне дня обретения, чтобы еще раз отслужить панихиду на могиле отца. Второго августа мы вместе побывали в доме, в котором протоиерей Роман жил два последних месяца перед кончиной и куда во время его смертельной болезни приходил причащать его протоиерей Зосима Трубачев (1893–1938)*, спустя полгода после этого принявший мученическую кончину на Бутовском полигоне, и я отслужил панихиду по отцу Роману.

На следующий день вместе с протоиереем Владимиром Ригиным, протоиереем Николаем Доненко, протодиаконем Николаем Поповичем, правнуком протоиерея Романа Николаем Щелкачевым и некоторыми прихожанами

* Священномученик Зосима Трубачев; память 13/26 февраля.

Покровского храма, уповая на помощь Божию и полагаясь на молитвенное предстательство самого священноисповедника, мы отправились в путь. Из документов, разрешающих перенос останков в Москву, у нас было лишь благословение Патриарха.

Панихиду перед обретением отслужил протоиерей Николай, ныне епископ Ялтинский, викарий Симферопольской и Крымской епархии Нестор. После окончания панихиды мы приступили к раскопкам. Через некоторое время пришли представители администрации кладбища. Ознакомившись с письменным благословением Патриарха на перенос останков в Москву, они сочли это недостаточным, и я вместе с правнуком отца Романа Николаем отправился к представителям гражданских учреждений, занимающихся вопросами переноса останков с кладбищ. Но их на месте в то время не оказалось, и для решения вопроса мы направились к главе города. Тот оказался человеком разумным, сразу понявшим, что в данном случае речь идет не о бытовом случае, когда, бывает, что родственники по каким-либо причинам желают перенести останки с одного кладбища на другое, а о событии церковно-историческом. Он сам уладил все необходимые формальности с гражданскими инстанциями, а правнук протоиерея Романа написал заявление, что не возражает, чтобы останки прадеда с кладбища в Малоярославце были перенесены в Москву. Так состоялось обретение мощей протоиерея Романа, в котором явственно ощущалась благодатная помощь самого исповедника.

В настоящее время многие люди прибегают к молитвенной помощи священноисповедника, в особенности те, кто нуждается в устроении семейной жизни. Частицы мощей священноисповедника Романа находятся в десятках храмов Русской Православной Церкви и в двух Поместных Церквях — Сербской и Польской. В честь священноисповедника Романа возводят храмы.

Церковно-общественный совет при Патриархе Московском и всея Руси по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской постановил вести активную работу по популяризации подвига новомучеников. Осенью 2024 года планируется выход документального фильма «Священноисповедник Роман Медведь». Стремиться непрерывно

к совершенству». Данный проект реализуется Региональным общественным фондом «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви» при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

Священноисповедник Роман родился в 1872 году в Седлецкой губернии (Царство

*Панихида
3 августа 1999 г.
(вверху)*

*Обретение
мощей священно-
исповедника
Романа Медведя
(внизу)*

Роман Медведь с супругой Анной Николаевной. 1901 г.

Польское, Российская империя) в семье почтенных родителей. Его отец Иван Осипович был учителем образцовой школы при Холмской духовной семинарии, мать Мария Матвеевна — высококвалифицированной акушеркой. Роман с отличием окончил Холмскую духовную семинарию и в 1894 году поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, где кроме прохождения курса богословских наук получил большой опыт проповедничества и миссионерской деятельности среди различных социальных слоев. В 1898 году он с отличием окончил академию со степенью кандидата богословия. Тема кандидатской работы отражала его глубинные церковные и нравственные интересы: «Приход как основная форма церковной жизни».

Живя в Санкт-Петербурге, Роман Иванович познакомился с протоиереем Иоанном Кронштадтским и, став его духовным сыном, ничего впоследствии не предпринимал без его благословения. В 1899 году одаренный и образованный выпускник академии был назначен помощником инспектора Литовской духовной семинарии. В 1900 году Роман Иванович сделал

предложение дочери священника Николая Невзорова Анне и вскоре в соответствии со своим прошением был уволен с должности помощника инспектора и отправился в Санкт-Петербург для рукоположения в сан иерея. Здесь блестяще образованному выпускнику академии было предложено на выбор несколько мест, причем митрополит Антоний (Вадковский; 1846–1912) обещал поддержать любой его выбор. В это же время его стали звать на место священника в Крестовоздвиженское трудовое братство, находившееся в Черниговской губернии. Роман Иванович склонился к служению в храме при Братстве и, сделав этот выбор, все другие заманчивые предложения воспринимал уже как помеху и соблазн. В 1901 году он был рукоположен во священника ко Крестовоздвиженской церкви на хуторе Воздвиженском, где находилось Братство. Опыт, приобретенный отцом Романом в Братстве, был неожиданным и полезным; здесь он смог увидеть, что можно устроить Братство, почти не соприкасаясь со Христом, поставив интересы экономической выгоды на первое место, а духовные — на второе. Однако изменить устав этой в большей степени хозяйственной, нежели христианской общины было невозможно, и отец Роман перешел служить в храм равноапостольной Марии Магдалины при училище лекарских помощниц и фельдшерниц в Санкт-Петербурге.

Общение с членами Крестовоздвиженского братства, граждански грамотными, но церковно невежественными, привело отца Романа к мысли о необходимости написания катехизиса в виде рассказов и диалогов, какие обычно бывают среди простых людей, когда они хотят поговорить о вере. И он написал книгу «Вечерние разговоры священника о вере», которая была издана в 1902 году в Санкт-Петербурге Александро-Невским обществом трезвости и рекомендована Учебным комитетом как пособие при преподавании и изучении Пространного катехизиса митрополита Московского Филарета.

Впоследствии служение отца Романа вновь оказалось связано с большими сообществами, которыми он был призван духовно руководить: в 1910 году он был назначен настоятелем Адмиралтейского собора в Севастополе, а затем благочинным береговых храмов. Деятель-

ность протоиерея Романа в Севастополе была настолько обширна и энергична, что даже равнодушное в религиозном отношении население портового города под влиянием этого выдающегося пастыря стало менять свое отношение к вере. Постепенно храмы наполнялись молящимися, стали исчезать пороки, свирепствовавшие среди моряков и до того времени казавшиеся неискоренимыми.

В 1915 году протоиерей Роман был назначен флагманским благочинным при штабе командующего Черноморским флотом. В тот момент, когда разрушалось государство, он не только не оставил просветительскую и религиозную деятельность, но 19 апреля 1917 года учредил Братство при Адмиралтейском соборе. Все в стране рушилось, а подлинный ученик Христов активно трудился и созидал.

Вскоре к власти в Севастополе пришли большевики, начались бессудные расстрелы офицеров и жителей города, разгоралась Гражданская война. Новая власть приняла решение аресто-

вать и расстрелять священника. Двадцать пятого декабря 1917 года протоиерей Роман был срочно командирован в Москву к Патриарху Тихону. Знакомый отцу Роману начальник вокзала задолго до отправления поезда посадил его в вагон, и священник благополучно прибыл в Москву. Патриарх Тихон благословил его организовать в Москве такое же Братство, какое он организовал в Севастополе. И вопреки всем внешним препятствиям и неблагоприятной для религиозного созидания политической обстановке отец Роман активно приступил к работе по организации Братства, что, конечно, в тех условиях не могло продолжаться долго. В 4 часа утра 22 мая 1918 года он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Ордер на его арест был выдан председателем ВЧК Дзержинским.

Из камеры тюрьмы протоиерей Роман писал Дзержинскому: «Я — исключительно религиозный деятель и принципиально отделяю политику от религии, ни в каких политических

Община протоиерея Романа у храма святителя Алексия, митрополита Московского. 1920-е гг.

Ирина Романовна Медведь и иеромонах Дамаскин (Орловский) у дома, в котором жил отец Роман в Малоярославце

партиях и организациях не участвую. Я и руководимое Братство имеем в виду организацию жизни на христианских началах. К этому я и зову тех, кто меня слушает на наших собраниях. Всегда мы настаиваем на том, что мы находимся вне политики. Власти мы подчиняемся независимо от лиц и партий, в руках которых власть находится.

Мы протестуем против власти только в том случае, когда она потребует от нас исполнения противного нашей религиозной совести. Но и в подобных случаях наш протест чисто морального характера. Я принципиально против действия внешней силой и оружием. Я убежден в правоте своих убеждений, а по-сему верю, что единственное мое оружие есть оружие Слова Божия и в нем достаточно силы для победы над всяким противником, как бы ни был он внешне силен.

На религиозную свободу и свободу убеждений я имею право, как и всякий гражданин Рос-

сийского государства. Имею, как свободный гражданин, право и на распространение своих убеждений, и на идейную борьбу с разного рода заблуждениями. Так как я в своей деятельности никогда не выходил за эти пределы, никого не возбуждал против властей и постоянно, наоборот, настаиваю на том, что пути насилия и борьбы с оружием — не мои пути и не моей организации, я протестую против лишения меня свободы»⁴.

С просьбой об освобождении протоиерея Романа к властям обратилось более шестисот человек из созданного им Братства. Разъясняя свою позицию и свое отношение к государству, отец Роман в бескомпромиссной и категоричной форме заявил одному из высокопоставленных представителей ВЧК: «Если в советской России моя работа допустима, то я просил бы не чинить препятствий; если же она недопустима, то я уеду из предела советской России в другую страну, так как не могу жить, не следуя своим убеждениям!»

В ответ тот заявил, что вопрос о его освобождении может быть решен лишь председателем ВЧК Дзержинским. Через два дня протоиерею Роману сообщили, что Дзержинский нашел его деятельность возможной в советской России и даст соответствующие указания не чинить ему препятствий. На следствии постепенно выяснилось, что обвинения членов Братства строятся в соответствии с какой-то внутренней инструкцией ЧК, в которой разъяснялось, как следует относиться к тому, что человек пишет, говорит или думает, когда никаких его действий обнаружить не удалось.

После освобождения протоиерея Романа Патриарх Тихон 1 сентября 1918 года определил его третьим священником в храм Василия Блаженного на Красной площади. Двадцать первого февраля 1919 года Патриарх назначил его настоятелем храма святителя Алексия, митрополита Московского, что в Глинницах, ставшего последним местом служения священника. Здесь отец Роман значительно расширил пастырскую деятельность по созданию Братства. Седьмого сентября 1921 года протоиерей Роман снова был арестован по доносам осведомителей и заключен в тюрьму Московской ЧК, находившуюся в Большом Кисельном переулке.

Выслушав, в чем его обвиняют, отец Роман направил следователю заявление, в котором откровенно изложил свое мнение о предъявленных ему обвинениях. «На мой вопрос, в чем я обвиняюсь, после третьего допроса вы мне только повторили предварительное обвинение — в контрреволюции. В контрреволюции я почитаю себя невиновным совершенно.

Контрреволюция есть что-то в плоскости политической, а моя работа ни в какой степени в политику не входит. Я работник исключительно религиозный, и в этой работе я действую не произвольно, а на точных законоположениях советской власти.

Я вновь прошу показать мне, в чем я контрреволюционер? Предъявляя обвинение в контрреволюции, представители советской власти должны руководиться ясно сформулированным законом, который бы гарантировал граждан и самую власть от личного произвола и усмотрения отдельных лиц и учреждений.

Я такого закона не знаю, он вами мне не предъявлен, а посему в понимании контрреволюционности я предоставлен собственному моему уму и моей совести.

Лично я некоторые распоряжения советской власти в области религиозной политики почитаю ошибочными и вредными для РСФСР, что и высказал на третьем допросе, но каждый вправе думать по-своему, и поскольку думы не переходят в публичную агитацию, они не могут быть предметом государственного преследования. Закон может преследовать только проявления, а никак не мысли и убеждения. На третьем допросе я открыто заявил, в чем не одобряю иные распоряжения советской власти. Я высказал их на прямой запрос и убежден, что советская власть в подобном открытом и честном неодобрении заинтересована положительно более, чем в лицемерной лжи и подделывании под нее. Я верю, что советская власть рано или поздно встанет на мою точку зрения, строго станет на почву декрета и Конституции и оставит антирелигиозную политику, как оставила и прежнюю экономическую политику.

Заявляю еще раз: ни в чем не повинны я и моя организация в контрреволюции. Если вы иного убеждения, прошу мне сказать, в чем неправильно мое понимание контрреволюции и какие контрреволюционные действия я допу-

стил. Но прошу также указать мне авторитетный закон, определяющий контрреволюцию и способный гарантировать беспристрастие в решении моего дела»⁵.

Члены общины подали жалобу во ВЦИК, требуя освобождения протоиерея Романа, такую же жалобу подала и супруга священника Анна Николаевна. Следователи после жалоб ускорили следствие и стали вызывать свидетелей, после чего выяснилось, насколько разительно отличаются сообщения осведомителей от показаний свидетелей, из которых с очевидностью следовало, что священник невиновен перед властью.

Принципиальное неприятие обвинений, которые отцу Роману выдвигал следователь, направленные во ВЦИК жалобы — все это, в конце концов, возымело действие, и 21 ноября 1921 года Комиссия по применению амнистии ВЦИК постановила: дело прекратить, арестованного освободить, отобранные при аресте переписку, документы и вещи возвратить. Через два дня отец Роман был освобожден. Избежавший бессудного расстрела, дважды арестовывавшийся без всякой с точки зрения закона причины, отец Роман мог бы уехать в Польшу, для чего у него были большие возможности. Он родился на территории Польши. Хорошо знал польский язык. Там у него оставались родственники и друзья. Там у него было много знакомых по церковному

Отец Роман Медведь в Бутырской тюрьме. 1931 г.

Слева направо:
протоиерей
Владимир Ригин,
протоиерей
Николай Доненко,
иеромонах Дамаскин (Орловский)

служению еще с дореволюционного времени. Он мог бы устроиться вполне благополучно. Но он не стал и размышлять об этом, вернувшись к пастырской деятельности в храме святителя Алексия, митрополита Московского.

Жизнь в приходе, которым руководил протоиерей Роман, в 1920-х годах стала заметным явлением в церковной жизни города, и ОГПУ поставило своей целью закрыть храм святителя Алексия. Члены общины стали хлопотать перед властями, чтобы храм не закрывали. Представители общины пришли с этой просьбой и к председателю ВЦИКа М. И. Калинину. Выслушав их, он сказал: «Ну что вы всё из-за одной церкви просите. Мы их все скоро закроем»⁶.

Шестнадцатого февраля 1931 года, после праздника Сретения Господня, сотрудники ОГПУ арестовали протоиерея Романа и некоторых членов Братства. Когда прихожане пришли утром в храм, то увидели, что он закрыт на замок. Тридцатого апреля Коллегия ОГПУ приговорила двух членов Братства к пяти годам заключения в концлагерь, одиннадцать — к трем годам, шестерых — к пяти годам ссылки в Казахстан, двух — к трем годам ссылки в Северный край, одну — к трем годам ссылки в Казахстан. Протоиерей Роман был приговорен к десяти годам заключения в концлагерь, и 3 июня 1931 года стало известно, что его отправляют в город Кемь на Беломорско-Балтийский канал.

Начался последний отрезок пути священника — к совершенству. Из заключения он писал духовным детям:

«Ни время, ни место, ни переживания насколько меня не изменили, я тот же, как и был ранее... и если нам придется встретиться в этой жизни, то радость нашего общения превзойдет прежнюю, потому что и я, и вы за это время будем неизменно трудиться над своим усовершенствованием...»

«Успокаиваю себя тем, что должны мы жить так, чтобы каждый новый день считать последним в своей жизни (ожидая смерти) или же первым (в движении к совершенству). Напоминаю себе, что мы здесь, в этой жизни, странники, а посему не надо огорчаться временными трудностями пути. Идти все равно надо, а Отечество — на небесах. Не огорчаюсь и тем, что приходится жить не по своей воле, а так, как здесь приказывают, потому что и по вере моей отречение от своей воли есть первое условие для движения к совершенству...»

«Бога нигде, никто и никакими условиями не может отнять от меня. А если Он со мною, что для меня все внешние тяготы?! Что моя нищета и бессилие? Когда в Нем бесконечное море Силы и богатства. Он — мое бытие, Он — моя жизнь и сознание. В Нем я всех нахожу, до всех достигаю, всем владею...»

«Стою на Твердом Камне и не боюсь никаких волн. Это настроение бывает нередко, если ни-

что не смущает совесть, и я об этом постоянно забочусь. Я имею дерзновение и всех вас и чувствую, и ощущаю — тогда ничто и время, и расстояние. В немощи своей и болезнях ощущаю силу, ясно, что не свою. Для меня ничто и заключение, и узы, мне ничего не надо, у меня все есть, я всем обладаю, я радостен и счастлив и всех встречаю с радостью и приветствием, а в жизни нашей это очень важно, потому что мы все здесь угнетенные и подавленные и своим несчастьем, и горем своих семей, так все ищут ободрения, ласковой улыбки, бодрости духа».

«Продолжаю учить себя, пользуясь каждым поводом. Учю себя так себя вести, чтобы всегда быть готовым спокойно и с христианским достоинством встретить всякие обстоятельства, как бы трудны они ни были, и умереть достойно своего звания. Учю себя никогда не сходить с крепкой скалы — нашей веры. Учю себя не поддаваться природной иллюзии почитать свое "я" центром вселенной, хотя с этой больной позиции начинают свою жизнь все люди. Как неверно, что солнце ходит около земли, так неверно и это самосознание. Учю себя свое "я" утвердить в Едином Великом "Я", Которого мое "я" только луч и слабое отражение, а посему без Него и живой связи с Ним оно обречено на неизбежное умирание. В Нем же и в самой смерти — жизнь бесконечная...»

«Завтра кончатся четыре года моего заключения. Кто бы мог думать, что я их переживу, а вот пережил и, если говорить о своей воле, еще хочу жить, дожить до освобождения и повидать всех вас, может быть, и пожить с вами. Впрочем, оговариваюсь, и этого я желаю, как и писал вам не раз, для оправдания своей веры и славы Всевышнего...»⁷

И Господь не посрамил его веры. Двадцать шестого июля 1936 года отец Роман был освобожден и поселился под Волоколамском. Но власти продолжали следить за ним, выдвигая претензии, что к нему ездит слишком много народа. «Какая-то мертвая струя влилась в жизнь, которая душит все живое, — и никуда от нее

не денешься»⁸, — с горечью как-то сказал отец Роман. Он переехал в Малоярославец и, пока были силы и позволяло здоровье, служил дома Литургию, которая была для него большим утешением. Здесь сотрудники НКВД попытались арестовать его еще раз, но, увидев, что священник умирает, отступились. Восьмого сентября 1937 года душа священноисповедника отошла ко Господу.

В этот последний период времени протоиерей Роман диктовал духовной дочери Зинаиде Борютиной о самом дорогом в его жизни — о Церкви: «Очень многие убеждены, что христианство одно. На самом деле одно истинное христианство, но история полна массой извращений христианства, так было доселе, так и в настоящее время.

Теперь, при массовом отпадении от веры, многие полагают, что дни христианства в СССР — сочтены. На самом же деле дело обстоит совершенно не так.

Подлинное христианство до того удовлетворяет и отдельного человека, и все христианское общество, до того их насыщает, обогащает и делает счастливыми, что вкусивший благ подлинного христианства никогда от него не откажется, потому что никакое учение, никакая вера и никакие люди и другие существа не в состоянии дать человеку того, что дает настоящее христианство...

Христос умер для спасения нас от греха, умер, чтобы мы, глядя на Него, победившего смерть в воскресении, уже не дрожали за свои "подленькие животишки"... не боялись держаться правых путей из опасения, что от этого наша земная жизнь потерпит ущерб и даже смерть. Всякий верующий знает, что от самой смерти он ничего не потеряет, а выиграет, потому что тотчас же явится причастником жизни Христовой в еще большей степени, так как плоть и кровь не дают возможности Христовой жизни раскрыться здесь, на земле, так, как она может раскрыться после смерти нашей, когда мы окажемся находящимися со Христом...»⁹

¹ Борютина З. Н. Братская община при храме святителя Алексия в Глинищевском переулке на Большой Димитровке в Москве, возглавляемая отцом Романом в [19]20–[19]30-х годах нашего столетия. Рукопись.

² Там же.

³ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 307. Л. 292.

⁴ Там же.

⁵ Дамаскин (Орловский), архим. Бог судил мне быть исповедником. Житие священноисповедника Романа Медведя. М., 2020. С. 175–179.

⁶ Там же. С. 189.

⁷ Там же. С. 204, 205, 215, 216–217, 229–230, 251.

⁸ Там же. С. 258.

⁹ Медведь Роман, прот. Основы истинного христианства. Рукопись.